

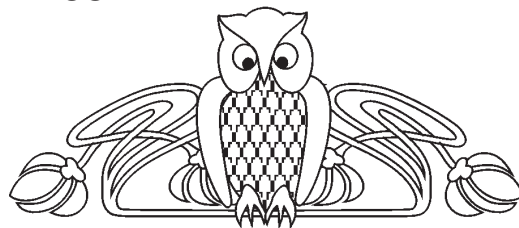

УДК 1+316.42+314

ПУСТОЕ МЕСТО: ГОЛОС СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

О. Ф. Филимонова

Филимонова Ольга Федоровна, доктор философских наук, профессор кафедры философии, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., filmon-2006@yandex.ru

Познавательный интерес к проблеме пространства – теоретический и практический – остается устойчивым и даже неуклонно растет по мере того, как видоизменяются способы и характер пространственных отношений и связей в обществе. Вполне закономерно, что этот во многом противоречивый процесс зависит не только от изменчивости социально-пространственных сцеплений, но и от точки зрения исследовательского интереса. Все это открывает новые пути понимания пространственной стороны социального существования в городских условиях. Статья посвящена прояснению значения базового понятия социальной теории пространства – категории места – и выделению из этого общего концептуального поля в качестве особой темы проблемы «пустого места». Место как таковое несет в себе признаки бытующих в нем практик, поэтому наше намерение состоит в том, чтобы проанализировать, как в условиях города оно лишается своих сущностных признаков и может быть воспринято как *пустое место*. Показано, что в силу радикальной открытости глобальным процессам города сосредоточили в себе неместное, чуждое, смешанное, тем самым бросая вызов общественным ценностям и институциональным порядкам. В рамках этих событий проблема «пустого места» рассмотрена с трех взаимосвязанных семантических точек: как «жизнь в пустоте», которая сигнализирует о жизни вне исторической и культурной памяти; как «потеря места», регистрирующая корреляцию с социальным отчуждением; как «чуждое место» – фактическая идентификация с миром чуждой культуры. В исследовании отмечается, что в своем специфическом выражении эти симптомы современной городской жизни сомкнулись в социальной реальности «пустого места».

Ключевые слова: город, место, идентичность, транслокализм, чуждое.

DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-292-297

Как естественно сложившиеся, так и спроектированные города представляют собой один из несущих моментов любой жизненной формы, а именно – процесс построения определенного социального мира, скрепленного единообразным планом, который при всех частных несоответствиях обещает гармонию с точки зрения целого. Однако в тени гомогенного порядка имеются и «темные уголки», которые отстраняются и скрываются как нечто неактуальное или чужеродное – «городское дно», трущобы, «обитаемые развалины», «хрущобы» и т. п. Такого рода ценностно-метафорические «отметины» налагаются на субстраты повседневной жизни, становятся характерным показателем

качественного разделения местоположений и поляризации социальных соприкосновений и в этой связи – условием границ и меры человеческих перемещений и взаимодействий. В движении, в перемещении с места-на-место не более явно, чем в самом факте покоя или «прикованности» к месту, сказываются ресурсы и ограничения, имеющие исток сугубо социальный. И это очевидно, поскольку в городском пространстве место служит центром кристаллизации человеческих отношений, их близости и плотности, которые, будь они иначе, т. е. не пространственно, ориентированы и оформлены, не приобрели бы такой определенности, как, например, явление, реальность которого, пожалуй, лучше всего может быть выражена метафорой *пустое место*.

В социальной репрезентации *пустое место* как понятие может рассматриваться с разных точек зрения. В первую очередь, нас интересуют природа и значение понятия места в рамках географической локалистской традиции, а именно то обстоятельство, что абстракция «место» вырабатывается человеком на основе сопоставления двух тел – собственного и внеположенной вещи (наделенной телесностью). Сопоставляя себя с любым другим телом, субъект различает «здесь» и внеположенное «там», и чтобы достичь этого «там», оказаться «там», от субъекта требуется реальное или воображаемое действие по перемещению. Перемещаясь, шагая, субъект как бы фиксирует места и вместе с этим создает их зрительный образ. Именно на такой деятельной основе складывается представление о множестве, разнообразии и в то же время о единстве мест [1]. По отношению к понятию *пустое место* здесь возможна аналогия с экспансией географических открытий, «по-шаговой» колонизацией и захватом земель, современной «индустрией миграции» и глобализацией, проявляющей сильный интерес к перманентной и регулируемой практике социальных передвижений.

Однако наряду с интуицией «шагания» в выработке представления о месте мы сосредоточиваем внимание на идиоме места как вместилища человека. Дом человека, земля, на которой этот

дом находится, воплощают в себе его обитателя, да и сам человек фактом своего рождения связан с местом проживания. Более распространенную версию такого понимания мы видим у Г. Зиммеля. Сюда же примыкает привлекаемое им понятие «между», вбирающее в себя значения пустых и нейтральных пространств. Зиммель излагает интересный набор суждений, утверждая, что когда между людьми нет взаимодействия, то пространство между ними практически означает Ничто: «Если некоторое количество лиц изолированно селится [hausen] друг подле друга в определенных пространственных границах, то каждое из них наполняет своей субстанцией и деятельностью непосредственно свое место, а между этим местом и местом следующего лица – незаполненное пространство, практически говоря: ничто. В то мгновение, когда оба они вступают во взаимодействие, пространство между ними оказывается заполненным и оживотворенным» [2, с. 62]. Иначе говоря, пустое пространство, по Зиммелю, есть промежуточная, незаселенная, но востребованная людьми зона. Это как бы свободные, незанятые, нейтральные локусы, позволяющие также контактировать враждующим сторонам, не прекращая конфликта, взаимодействовать между собой «чисто деловому», «объективно» [2, с. 92].

Несомненно, что-то похожее на этот ход мысли Зиммеля просматривается не только в характеристике, данной им посреднической деятельности чужака, но и в основе специфического интереса транснациональных и мультикультуралистских исследовательских подходов. Транснационализм (социальный плюрализм) предлагает рассматривать миграцию не как простое перемещение из одного места в другое, а в виде процесса расширения пространства действий акторов, или новых плюролокальных социальных отношений [3]. Так, миграционные ассоциации способны стимулировать передвижения, демонстрируя приносимый ими эффект: разрастаться все больше и плотнее, поскольку каждый их «шаг» содержит акты поддержки для тех, кто остается на месте и облегчает другим дальнейшее передвижение, а те, в свою очередь, расширяют сеть ассоциаций и вероятность их дальнейшего распространения. Все это хорошо подтверждают известные эмпирические наблюдения. Или взять культурный плюрализм, обращенный к транслокальным формам солидарности и групповой идентичности, когда значение пространства выступает как маркер и медиатор поликультурной идеологии. С одной стороны, сохранение традиций, связь с землей рождения, сильное чувство «мы» и разделяемые апелляции

к крови, цвету кожи, религии или языку, с другой – кочевничество, «безземельность» и встреча с чужеродными ценностями чужой земли и культуры. Такое неопределенное состояние напоминает то, что В. Тэрнер назвал лиминальностью, или переходом, пороговой ситуацией: «Лиминальные существа ни здесь, ни там, ни то, ни сё; они – в промежутке между положениями, предписанными и распределенными законом, обычаем, условностями и церемониалом» [4, с. 169].

Однако главное заключается в том, что мультикультурные ассоциации так или иначе воздействуют на окружение, и то, что является, на наш взгляд, действительно существенным, так это масштабы и способы взаимодействий, которые разворачиваются на местах. В этой связи место как бы больше не является категорией установленных и данных онтологических признаков, но становится потенциальной формулировкой подобия и различия, маркером идентичности и обмена: так что социальные процессы разворачиваются как бы на *пустом месте*, в незанятом вместилище, открытом потокам смешанных людских масс и культур.

В этом контексте плюролокальных социальных и культурных отношений особое значение имеют встречные вопросы пространственных и ментальных несоответствий и несообразностей. Пожалуй, первой ступенью теоретического объяснения подобного рода каверзных ситуаций была топологическая модель П. Бурдьё: он отмечал, что, когда «проникаешь в пространство, не выполняя всех условий, которые пространство негласно предъявляет своим обитателям» [5, с. 48], всякий раз возникает чувство себя «не на месте». Дело заключается в том, что если этнические или расовые отличия воспринимаются как относительно нефиксированные, то несоответствие определенным нормативным положениям (бытовым, культурным, имущественным) становится критерием и стратегией фиксации несообразности месту. Однако именно в данном случае локальное пространство подвергается испытанию быть опустошенным. Для России такая ситуация продвижения миграции (внешней и внутренней) становится ощутимой проблемой не только для крупных городов, но и региональной «глубинки», где образуются большие сосредоточения неорганичных местным контекстам переселенцев. Российские пространства обнаруживают невероятное усиление того, что на протяжении последних десятилетий составляет значительную проблему для европейских городов.

Заметим, что в интеллектуальной истории XX столетия (особенно европейской) проблема «того, чего нет» всегда считалась не менее важ-

ной, чем вопрос о том «что есть», по той лишь причине, что первое определяет форму второго. В русле этого теоретического тренда, чутко отразившего перемены последних десятилетий, показательно исследование М. Оже. В своей работе «Не-места. Введение в антропологию гипермодерна» французский этнограф сумел передать состояния неосновательности, бездомности, беспочвенности, которыми помечена каждая точка городского мира [6]. Объединив под термином «не-места» специфику современного использования пространства, Оже позволяет обозреть жизнь людей в избыточности «хроно-топических изменений», в бесконечности и множественности пространственных перемещений, во временности и эфемерности ментальных состояний. Образ такой жизни напоминает симулированную реальность или промежуточный мир, как сказал бы Платон. Это мир, где множатся пункты транзита и временного пребывания (ряды отелей и самовольно занятые жилища, лагеря для беженцев и т. п.), где рождаются в клиниках и умирают в больницах. В сквозной планиметрии обитаемых «не-мест» циркулирует густая сеть транспортных средств, «трудятся» автоматические распределители и кредитные карточки с «немыми» торговыми движениями. Мир, созданный таким образом, предназначается для одиночной индивидуальности и ставших пребыванием переходов, прохождений, перемещений. И в этом качестве, насколько можно судить, представляет собой как бы тотальное освобождение от места, от всего того, что имеет с ним сходство – близости, сродства и смысла человеческих отношений, устойчивости представлений и ценностей, вместительности и преемственности бытия.

Разумеется, краткий обзор теоретических предпосылок позволяет заострить не все, но некоторые из уже известных проблемных вопросов в локалистской традиции, поэтому мы намерены предложить пробную типологизацию значений понятия *пустое место* с целью выявления путей, которыми в современных городах создаются подобного рода пространства. Термин «место» будет использован в обычном для русского языка смысле – метка, метить, т. е. выделять, устанавливать, присваивать в пространстве какое-либо место. Идея места мыслится, прежде всего, как онтологическая категория, как место обитания, место жизни, как то, что может вмещать человека, что может стать или является ему домом. Одно-временно подразумевается, что не соотносимый с данными свойствами локус пространства имеет значение пустого (по В. Далю: полый внутри, несплошной, неплотный, пустошь).

В нашем сознании понятия «земля», «мир» и «город» равнозначны. Они служат символом первичной территориальной общности, знаком общинной, почвенной связи и целостности, выражением сложной системы взаимосвязанных структурированных элементов, включающих народ, природу, культуру в единый Космос. Всякое нарушение этого континуума воспринимается как разрушение целостности мира. Такая представительная модель мира (общностная, родственная) легла в основу очень сущностного, глубокого умонастроения, фактически выжившего в обсуждениях пространственных методов.

Феномен *пустого места* – симптом последовательных изменений, надлома в основах этого умонастроения. Именно «изломанность» общего вида, повреждение его органичной конфигурации совпадающих смыслов делает зримой явленность «пустого» как нечто инородного, того, что возникает и развивается на краях и внутри современного урбанистического конгломерата, отношения которых и подлежат установлению. В свете данного толкования попробуем взглянуть на реалистичность этой связи.

Пустое место как жизнь в пустоте. Эту ситуацию можно связать с трансформацией городской планировки, с безжалостным («на корню») истреблением любой отсылки к прошлому (переименование улиц и площадей, снос и перестройка целых районов, разрушение памятников и парков), к памяти культуры, к общественно-историческим условиям, структурирующим городское пространство. Наблюдаемое повсеместно засилье образно-языковых элементов инокультур – один из курьезов и прецедентов, создающих условия для формирования предрасположенности или привычки воспринимать «чужое» как «своё» или, что не менее пагубно, извращать «своё» на незнакомое, «не своё» (например, хлебный магазин с названием БУЛКА). Однако мы все более и более знаем методы, которые могут быть невидимыми в деле разрушения основ нашей культуры (культура как таковая обладает свойством состоятельности). И если физические стены имеют значение, то преграды для воображения, надписывающего пространству чуждый символ, не менее важны. Манера действовать как в «чистом поле» несовместима с этической позицией «родственного» внимания, которая включает в себя заботливое отношение к людям, рассматривает их место обитания в качестве предмета эстетического созерцания, условия формирования их высокой духовности. Ведь культура, ее памятование создается не просто как определенный объем знания, представлений и ценностей, но и как устойчивый механизм их порождения, как творческие искания.

Типично урбанистическим феноменом в этом смысле является отсутствие городской памяти. Часто молодое поколение горожан почти или ничего не знает о своей малой родине, не помнит, где жили дальние и ближние предки, потому что не дает себе особого труда знать. В таких случаях обыденная память базируется на устных рассказах, толкованиях информации средств массовой информации, порождающих разнообразнейшие и малодостоверные представления. Судьба мстит за потерю исторической памяти, обрекая наших потомков жить в пустоте, ибо *пустое место, свободное от всякой памяти*, мало или вовсе лишено свойств своего прошлого и будущего состояния.

Пустое место как потеря места. Потеря места есть величайшая экзистенциальная проблема, есть разложение изнутри. Существовать (to exist) означает «находиться вне», иначе говоря, быть вне совокупности структурных позиций, которые всякий человек занимает в социальной системе. Потеря места – это «социальное исключение», обреченность на терпение лишений и разнообразных неудобств. Можно предположить, что проблема порождения этих характерных симптомов имеет три аспекта.

Во-первых, нейтрализация представительной модели мира, центрированной на «внутреннее» начало, чьи основные условия, объекты и цели составляют символический круг значений этой центральности (смыслообразование, гармонизация, коммуникация, контроль). Вместе с этим предоставление свободы непредставительным моделям мира, по отношению к которым представительная модель начинает обретать значение «внешнего» центра, или периферии. Такое позиционирование свидетельствует о сопротивлении или открытом вызове непредставительной модели представительному видению мира и претензии установить на его месте свое миропонимание, с иными иерархиями, предпочтениями и целями. Семантически это означает *потерю места*, уничтожение представительной модели мира до значимости *пустого места*.

Во-вторых, соперничество и динамичность старых и новых структур, изменения в формах и способах расселения, взаимодействия и поддержки. С одной стороны, попытки «коренных» горожан сохранить и укрепить представительность собственного титула, заботы о повседневном существовании и безопасности, апелляции к справедливости и интересам местной культуры. С другой стороны, формирование этнических ассоциаций и структурных общин (создание полуизолированного микромира, объединенного родственно-клановыми, религиозными и производственными отношениями, с предпочтением

трудиться «у своих» и «для своих»). Фокусировка на частном интересе своей общины и ориентация на самоподдержку становятся основанием острой борьбы за выживание, за обладание и контроль городских мест (драки, «войны», убийство есть специфическая адаптация акта присвоения). Захват, как правило, происходит благодаря поддержке высокопоставленного политика или лояльности государственного служащего, или криминальных групп.

Дискомфорт и смятение, порождаемые подобным рода «по-шаговым» присвоением, ведут к тому, что горожане принимают оборонительную или незаметную, контролируруемую самодисциплиной позицию, поскольку для многих характерна жизнь с чувством страха, незащищенности и гнева (что связано с осознанием вынужденной толерантности и травмирующего подчинения). В целом культивируется безразличие, минимальное включение в общение, когда избегается даже зрительный контакт.

Эффекты политики транслокализма фиксируют ряд экстраординарных изменений: легализацию двойного или многократного гражданства, ведущего к институциональному выражению разветвленной принадлежности к различным сферам, когда страна происхождения становится источником самобытности, страна проживания – источником прав, а возникающее транснациональное пространство – ареной политических акций, сочетающих две страны или большее их число [7, с. 79]. Кроме того, не секрет, что отсутствуют гарантии справедливой правовой защиты, которые необходимы для защиты местных целей и интересов от неправовых действий маргинальных по своей сути переселенческих общин. На практике получается, что существенная часть «коренных» горожан насильственным, подписанным образом оказывается как бы в свободной, нейтральной зоне, где они вынуждены контактировать с «враждебной» стороной. Эту ситуацию, несомненно, можно характеризовать как *потерю места*, в котором люди когда-то жили с теми, кто разделял с ними представление о мире, однако с утратой которого они сами стали *пустым местом*.

В-третьих, интеграция в маргинальную культуру, изменение стиля жизни и доступных практик. Все эти явления сегодня отчетливо узнаваемы в своей осязаемой определенности, объединившей носителей дискредитирующего атрибута, или «стигмы». Это хорошо известные образы малоимущих и социально слабых слоев и индивидов: те, кто оказался в «черной дыре» социального исключения, кто потерял дом, семью, лишился работы, учебы, связал жизнь с «уличным сообществом», живет в ночлежке и т. п. Таким об-

разом, социальное измерение *потери* имеет пространственное выражение. *Потеря места* – это знак безучастия, а *пустое место* – носитель этой печальной тенденции. Однако вопрос не в том, насколько драматичный характер носит это явление, а в том, останется ли практика социального отчуждения нормой с точки зрения гуманности.

Пустое место как чуждое место. В этом случае предполагается включение понятия *пустое место* в привычную дифференциацию отношений к «чуждому», «чуждому», что делает сопоставление более объемным и усиливает акценты их значимости. Проблеме встречи с чужим посвящены многочисленные работы. Мы оставим в стороне обзор их результатов, а только напомним уже известное. В повседневном или общественном смысле чужим называют того, с кем не знакомы лично или кого не причисляют к своей социальной группе (по Далю: не свой, незнакомый, не нашей земли, не родня, не из нашего дома). Чуждым в культурном смысле является тот, с кем не разделяют своих убеждений и мировосприятия (по Далю: чужие нравы, обычаи; чему чуждаются или дивятся; странный, непонятный, удивительный, далекий, непричастный, сторонний).

Мы знаем, что город, наряду с естественным воспроизводством населения, всегда пополнялся извне чужаками (колонизаторами, мигрантами, бизнесменами). Также мы знаем, что люди способны относиться к городу, как временной стоянке или чуждому «здесь», куда они прибывают, чтобы «сделать деньги», а затем уезжают в свое «там», чтобы продолжать жить. Небезызвестно, что были в истории города, основанные ради одной спекуляции, где жители вели себя так, будто они не живут в них вовсе. Практически заново начинают жизнь в чужом городе те, кто раньше намеренно покинул родные места. Пожалуй, в психологическом плане во всех этих мобильностях можно увидеть движение от чувства *потери места* к мечте и надежде его (место) обрести. Такая перспектива не может быть нерадостной, хотя и относится к той разновидности иллюзий, которые помогают вытерпеть жизненные невзгоды, ведь чем сложнее жизнь, тем сильнее вера в лучшее и выносливость к страданиям. Однако нам хотелось бы выяснить: что происходит, когда идентичность тотально утратила связь с местом? что случается, если люди помещены в чуждые для них миры? Такое состояние фиксирует, на наш взгляд, три ментальных изменения.

Первое – неразумное (слепое) восхищение чужой (богатой) страной и идентификация себя с ее благоустроенными жителями. Так, вероятно, очарованные образом «Запада-рая», перерож-

дались советские интеллигенты в тотальных чужаков, когда стали отождествлять и считать себя подданными не своей страны. Вряд ли здесь можно увидеть разницу с теми иллюзорными надеждами космополитического толка, которые питают глобальную миграцию. При желании можно подтянуть эти умонастроения к российским веяниям сегодняшнего дня и увидеть больше сходства, нежели отличий. Второе – сознательный отказ от большей части собственной культуры (как чуждой) в пользу культуры чужой страны: смена имени, фамилии, места проживания, гражданства, отчуждение от традиций и истории своего народа, обида и возмущение всем тем, что наносит ущерб индивидуальной самореализации, потребность покинуть родину, чтобы жить и работать в другом обществе. Чем радикальнее становится нивелировка «своего», тем сильнее потребность возвести в себе «чужое», потому что полусознанная тяга к чему-то «лучшему» с очевидностью не находит удовлетворения в реальности собственной жизни. Вот, пожалуй, неполный список ингредиентов ставшего умонастроения тотально чужих. Третье – восприятие «своего» как чуждого, как *пустое место*. Влияние ставших носителями чужой культуры на основные институты, убеждения и образ жизни общественных масс существенно и разнообразно в методиках (фрондерство, мифотворчество, провокация, пошлый юмор, издевательский смех и т. п.). Будучи социально и культурно значимым меньшинством, они имеют возможности (чаще финансовые, но не всегда) организовать многочисленных последователей. Весь стиль общения и конечная цель этого высокоорганизованного, изощренного «захвата» – «взрыхлить» и опустошить мир представительной модели, вынудить его принять чуждые ценности как свои.

В заключение отметим, что радикальная открытость городов глобальным процессам бросает вызов ценностям и институциональным порядкам, всегда столь высоко чтимым обществом. Сосредоточивая в себе неместное, чуждое, смешанное, города самым ощутимым образом поднимают вопрос чрезвычайного уровня важности – самобытности жизни и мировосприятия местного населения. Чтобы понять это, мы попытались найти объяснение тому, как и почему городские топосы лишаются своих существенных признаков. В социальной конституции городского пространства мы обозначили и рассмотрели диапазон значений, в рамках которых *место* может быть охарактеризовано в качестве *пустого*. Семантика *пустого места* регистрирует тесную корреляцию с жизнью вне исторической и культурной памяти, с момента-

ми социального отчуждения и идентификацией с чуждой культурой. Эти симптомы – явление городское, однако не город, а человек производит *пустое место*.

Список литературы

1. Костинский Г. Д. Установки сознания и представления о различных традициях в географии // Изв. АН СССР. Сер. Географическая. 1990. № 5. С. 126–127.

2. Филиппов А. Ф. Теоретические основания социологии пространства. М., 2003. 230 с.
3. Миграция и национальное государство. СПб., 2004. 216 с.
4. Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983. 277 с.
5. Бурдьё П. Социология политики. М., 1993. 336 с.
6. Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна. М., 2017. 136 с.
7. Касториано Р. Расселение, транснациональные общины и гражданство // Междунар. журн. социальных наук. 2001. № 32. С. 73–79.

Образец для цитирования:

Филимонова О. Ф. Пустое место: голос социальной реальности // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 292–297. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-292-297

Empty Place: the Voice of Social Reality

O. F. Filimonova

Olga F. Filimonova, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77, Politekhnicheskaya Str., Saratov, 410054, Russia, filmon-2006@yandex.ru

Is it possible to be surprised that cognitive interest in the problem of space, both theoretical and practical, remains stable and even steadily grows along with changes of the ways and character of spatial relations and connections in the society. And is it not natural that this mostly contradictory process depends not only on variability of social and spatial coupling, but also on the point of view of the investigators' interest. All this opens up new ways of understanding the spatial aspect of social existence in urban conditions. The article is aimed at clarifying the meaning of the basic concept of the social theory of space – the category of space and at segregation of the problem of «empty space» as a special topic from this general conceptual field. The place as it is bears in itself the signs of the practices that exist in it, hence, our intention is to analyze how the place loses its essential attributes in the conditions of the city and can be perceived as *empty space*. It has been shown that due to the radical openness to the global processes, the cities focus in themselves something non-native, alien, mixed, thus challenging social values and institutional orders. In the framework of these events, the problem of «empty space» is considered from three interconnected semantic points: «as life in emptiness», which signals about life beyond historical and cultural memory; as «loss of space», registering correlation with social exclusion; as «an alien place» – actual identification with the world of alien culture. The

study notes that these modern urban life symptoms, in their specific expression, have converged in social reality of «empty space».

Key words: city, place, identity, plural local relations, alien.

References

1. Kostinskiy G. D. Ustanovki soznaniya i predstavleniya o razlichnykh traditsiyakh v geografii [Instructions for consciousness and views of different traditions in geography]. *Izv. AN SSSR. Ser. Geograficheskaya* [Izvestiya Akad. nauk SSSR. Seriya Geograficheskaya], 1990, no. 5, pp. 126–127 (in Russian).
2. Filippov A. F. *Teoreticheskie osnovaniya sotsiologii prostranstva* [Theoretical grounds of sociology of space]. Moscow, 2003. 230 p. (in Russian).
3. *Migratsiya i natsionalnoe gosudarstvo* [Migration and the national state]. St. Petersburg, 2004. 216 p. (in Russian).
4. Turner V. *Simvol i ritual* [Symbol and ritual]. Moscow, 1983. 277 p. (in Russian).
5. Bourdieu P. *Sotsiologiya politiki* [Sociology of politics]. Moscow, 1993. 336 p. (in Russian).
6. Augé M. *Non-lieux, introduction à une anthropologie de la surmodernité*. Paris, 1992. 155 p. (Russ. ed.: Augé M. *Ne-mesta. Vvedenie v antropologiyu gipermoderna*. Moscow, 2017. 136 p.).
7. Kastoriano R. Rasselenie, transnatsionalnye obshchiny i grazhdanstvo [Resettlement, transnational communities and citizenship]. *Mezhdunar. zhurn. sotsialnykh nauk* [International Social Science Journal], 2001, no. 32, pp. 73–79 (in Russian).

Cite this article as:

Filimonova O. F. «Empty Place»: the Voice of Social Reality. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 292–297. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-292-297